

Лев Шестов

**Апофеоз
беспочвенности**

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 122/129

ББК 87

Ш54

Вступительная статья А. Тесли

Шестов, Лев

Ш54 Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов ;
[вступит. ст. А. Тесли]. — М. : РИПОЛ классик.
— 312 с. — (Вехи).

ISBN 978-5-519-64963-6

«Апофеоз беспочвенности», вероятно, самая известная из книг Льва Шестова и, по крайней мере, самая скандальная. В ней он предпринимает фронтальную атаку на общеобязательное знание и нравственность, утверждая, что последние есть подмена истины. Философия начинается не с удивления, но с трагедии — она не о «познании», а о том, как жить человеку, когда все привычное рухнуло и общеобязательное не только не может спасти, но лишь делает осуждение безоговорочным. Но если отказаться от гарантий, поставить все на беспочвенность, то можно обрести надежду.

Настоящее издание сопровождается вступительной статьей к.ф.н. Андрея Тесли.

УДК 122/129

ББК 87

© Тесли А. А., вступительная
статья, 2017

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64963-6

Андрей Тесля

НАДЕЖДА И УПОВАНИЕ

«[...] люди на то и люди, чтобы
ничего до конца не доводить».

*Из письма Льва Шестова —
сестре Фане, 14.IV.1905 г.*

«Апофеоз беспочвенности» (1905) — во многих отношениях самая неудачная книга Льва Шестова (1866–1938). Во-первых, она была дурно принята критикой и даже относительно благожелательные отзывы содержали серьезное недовольство.

Во-вторых, что более важно, она была не понята — и само время способствовало недопониманию: рассуждения Шестова считывались публикой в ряду общих декадентских, анархистских и тому подобных увлечений. Одним претил его бунт против морали и закона, другим он был приятен — но понимание того, ради чего и отчего бунтовал Шестов, у его оппонентов оказывалось зачастую более глубоким, чем у

мнимых единомышленников. Попытка объясниться устно ничуть не исправляла ситуацию — как вспоминала Евгения Герцык об обсуждении книги в московском литературно-художественном кружке: «один [...] пожилой *bon-vivant* в конце прений заявил, что он совершенно согласен с докладчиком и тоже считает, что нужно срывать цветы удовольствия...»¹.

В-третьих, пониманию книги мешал сам ее стиль — если для Шестова это было обретение той формы, в которой его мысль чувствовала себя адекватно и к которой он был близок и ранее (не решаясь совершить последний шаг, все еще придерживаясь видимости систематического изложения, собирая из разрозненных, единичных заметок пасьянс законченного текста), то для публики это представляло как подражание Ницше, причем двойное: по форме и по содержанию.

Оригинал был установлен, соотношение с ним шестовского текста определено, а зачем нужно подражание, когда есть исходник? Зачем нужна местная (если не местечковая) версия того, что создано, доступно и признано в своем достоинстве?

Впрочем, в последнем отношении публика не была совсем не права — и это делало недопонимание безнадежным. Действительно, Ницше имел решающее, освобождающее значение для Шестова — и как мыслитель, и как писатель. Шестов и вошел в русскую ли-

¹ Герцык Е. К. Воспоминания. — Paris, YMCA-Press, 1973. С. 104.

тературу как истолкователь ницшевской философии, как тот, кто сталкивал с последней русских классиков, читал их сквозь призму Ницше, полемизируя, опираясь на него или открывая у них то содержание, которое до подобного прочтения оказывалось недоступным.

Он выступал как интерпретатор — посредник между двумя, ранее радикально разведенными между собой, культурными пространствами, а теперь осмелился выступить от собственного лица, не говорить «по поводу», а приняться за самое существо дела — своего собственного, личного, как он и писал в трех своих предыдущих книгах, но в них читателю позволялось принять это за «личный взгляд на...» и далее сосредоточиться на том, на что, собственно, был направлен этот взгляд: система культурных опосредований позволяла умножать «взгляды». В первой книге, самой робкой из им написанных, Шестов создает целую систему говорения об одном через другое — о Шекспире по поводу книги о нем датского критика Брандеса, который в свою очередь предстает лишь слабым отголоском Тэна, за которым Шестов обнаруживает Канта, позволившего практически обходиться без Бога, отведя тому место в теории, где он никого уже не побеспокоит — и откуда затем окажется возможным без особых проблем, почти незаметно для самих себя, вынести его окончательно в область личных предпочтений, о которых спор неуместен.

В дальнейшем Шестов вернется к своему излюбленному приему — говорить о своем, разбираясь с

Другим — ведь свое позволит ему видеть в общеизвестном, хрестоматийном совершенно неожиданное: он будет совершенствоваться в своем искусстве «подглядывать», за авторами различая людей, ловить их на странных мыслях, настойчиво допрашивать, что побуждало их рассуждать, что заставляло так философствовать — ради чего были все эти усилия? Ведь не из чистой радости мысли и не из любопытства-удивления — поскольку каждый из нас знает, что любопытство и удивление — вещи скоропреходящие и, стоит нам хоть немного попривыкнуть к тому, чему мы удивились, мы ищем новый предмет или научаемся получать удовольствие в привычном, радуясь, что ничего не меняется.

Разбирательство с другими, которое вел Шестов, позволяло ему писать и объясняться с читателями, которые не приняли бы (и не приняли, как показала история «Апофеоза...») его прямого высказывания: он показывал иного Паскаля, иного Плотина, иного Толстого — и читатель был увлечен этой «другой стороной», но ничто не заставляло его отказываться от лицевой стороны. Здесь Шестов был приемлем для читателя — он «углублял» понимание последнего, за что читатель был благодарен, но все прочее оставалось на своих местах. Разные стороны спокойно оставались сосуществовать, каждое в своем пространстве. Шестов настаивал на ином, но мало ли на чем настаивает автор — читатель спокойно может насладиться увлечением и страстью автора, быть

признательным ему за горячность, с которой написан текст, но это все «культура», т.е. нечто, созданное для комфортной жизни — блага желаемые, но не обязательные, прожить ведь можно и без них.

Напротив, Шестову как раз всякая «культура» глубоко безразлична — он занят как раз тем, без чего жить нельзя — это не о «лучшей» или «благой жизни», а о жизни как таковой.

Парадоксальным образом, эта же книга оказалась и самой известной в творческом наследии Шестова — она отнюдь не самая читаемая, как показывает история переводов на другие языки (здесь лидируют две его предшествующие книги — о Толстом, Достоевском и Ницше), но ее заголовок запоминается — кажется, это способствует отмеченному ранее непониманию: читатель не считает нужным идти далее заглавия и беглого просмотра, поскольку вникать в суть шестовских мыслей сложно — и труднее всего именно по «Апофеозу». На эти трудности жаловались даже самые близкие Шестову люди — так, в письме к сестре Фане от 14.IV.1905 г. он пояснял:

«Между прочим, „Апофеоз беспочвенности“ не имел успеха даже у тех, которые справедливо относились к моим предыдущим работам, никто из моих знакомых, которым я разослал книгу, не ответили мне ни словом. Но стороной я узнал, что все недовольны: и Левин, и Лурье, например. Даже Бердяев, как ты увидишь или уже увидела из его статьи в „Вопросах Жизни“ [март 1905],

недоволен. Правда, он мне признался, что прочел книгу наскоро, так как она ему была некстати: у него уже сложилась в голове статья по прежним моим работам, а „Ап[офеоз] б[еспочвенности]“ немного расстраивал готовый план. Но все же впечатление было не в мою пользу. Володя сказал мне, что ты тоже „не понимаешь“. Так вот тебе совет: *прочти статью о Чехове — в ней связнее и проще передано содержание „Ап[офеоза] б[еспочвенности]“*. Правда, *связность и упрощение обрезают материал, но зато дает некоторую нить. Мне кажется, что после статьи о Чехове „Ап[офеоз] бесп[очвенности]“ будет понятнее* [выд. нами — А.Т.]»¹.

Первоначально, о чем и сообщает Шестов читателю в предисловии, книга задумывалась как еще одна построенная на сопоставлении двух авторов — после книг о Толстом и Ницше и Достоевском и Ницше — теперь о Тургеневе и Чехове. Собственно, «Творчество из ничего», статья о Чехове, вышедшая в том же году, к которой Шестов отсылал сестру, являлась другой частью этого первоначального замысла. Однако по ходу работы стало понятно, что говорить «через другого» в данном случае не получится (Тургенев оказался совершенно случайным предметом, который пришлось отбросить) и решить не «собирать книгу», а, напротив, сохранить «афоризмы»,

¹ Баранова-Шестова Н. А. Жизнь Льва Шестова. В 2 т. Т. I. — Париж: La Presse Libre, 1983. С. 80.

ту исходную форму, которую имели заметки, вносимые Шестовым в тетрадь¹. У Ницше Шестов позаимствовал форму — точнее, литературную санкцию на свою собственную форму, ведь фрагменты Шестова очень далеки от ницшевских и именно там, где он пытается подражать Ницше, он наименее удачен и в них лучше всего заметна разница между этими мыслителями. Если Ницше разнообразен и наблюдателен, то Шестов всегда об одном, преследует ровно одну мысль — лишь заходя все с новых и новых сторон, не способный отвлечься на постороннее. Оттого ему и нет нужды в связности и последовательности: ведь он не нанизывает цепочку рассуждений, его утверждение одно единственное — необходимость не может обосновать саму себя, ее права не больше прав произвола, чтобы мы приняли ее права, мы уже должны принять ее, чтобы вообще рассуждать о правах, мы уже должны оказаться во власти необходимости.

Шестов поздно приходит в литературу — он не собирался быть профессиональным литератором или философом, он стал писать потому, что ему нужно было выговориться. Сын богатого киевского коммерсанта, Исаака Шварцмана, он живет жизнью, вполне типичной для своего круга — второго поколения еврейских детей, вышедших из традиционной

¹ Рукопись незаконченной книги сохранилась и была опубликована в 1982 г. издательством «Ардис» под редакторским заглавием «Тургенев».

среды восточно-европейского еврейства, вошедших в русскую культуру не как «национальную», а, напротив, понимая ее как «большой мир», одно из окон в универсальную культуру, противостоящей ограниченности прежнего кругозора — как освобождение, а не новые оковы. Отделившись от прежней среды, семья оказывается крепостью — все ее члены, как бы они ни относились друг к другу, какие бы противоречия их ни разъединяли — противостоят всему окружающему миру: сохранение своей религии — способ держаться вместе, быть «своими» — потому что для других, приняв иную веру, ты «своим» все равно не станешь, а для «своих» быть таковым перестанешь.

Кратко описанная ситуация порождает и особое отношение к «культуре» — последняя есть нечто, способное быть общим для всех людей: оно не имеет отношения к вере, к семье. Так, Лейба Шварцман (затем взявший литературный псевдоним Лев Шестов), по примеру других, таких же как он, еврейских юношей, с благословения отца поступает в Московский университет, на физико-математический факультет, вскоре переводясь на юридический, вынужденный потом его оставить, проводит семестр в Берлинском университете и далее заканчивает уже университет Св. Владимира в родном Киеве, недолго работает помощником присяжного поверенного, помогает в семейном предприятии (и будет заниматься этим вплоть до тех, уже революционных лет, пока само это